

Социологический журнал. Номер: №3 за 1994 год

ПОЛУФОРМАЛИЗОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ

Веселкова Н. В.

Веселкова Наталья Вадимовна — аспирант Института социологии РАН.

История методов социологического исследования начиналась с «соломенных опросов», где доминировали произвольные, свободные формы общения интервьюера и респондента. Рост требований к точности и надежности данных обусловил преобладание формализованных техник опроса, где отклонение от процедуры квалифицируется как методическая ошибка. Такой подход иногда называют количественным. Он считался нормативным на протяжении 30—60-х годов, несмотря на обвинения в «квантофрении» (П. Сорокин). В современной социологической методологии наблюдается своеобразный ренессанс «качественных» методов, для которых характерно свободное общение интервьюера и респондента, основанное скорее на «понимании», чем на бездушной регистрации признаков.

Как правило, дискуссия между «качественными» и «количественными» методологами ведется с крайних позиций, по принципу «или— или», а свободное интервью воспринимается как противоположность структурированному. На самом деле, это противопоставление мнимое. Абсолютизация процедуры неизбежно ведет к возникновению артефактов. С другой стороны, слабая формализация открывает широкие возможности для произвола и недобросовестности при сборе и анализе данных.

Поэтому «качественная» и «количественная» методологии при всех своих различиях имеют важные точки соприкосновения. Сегодня идет продуктивное сотрудничество специалистов, в результате которого возникают «исследования— гибриды» [1].

Подвергается сомнению даже разделение методологических подходов на «качественные» и «количественные»: К. вай Метер считает "такое разделение устаревшим и предлагает «восходящие» (ascending) и «нисходящие» (descending) методологии [2], комплексное комбинирование которых формирует новые перспективы «интегрированного методологического подхода к социальному научному исследованию». Дж. Лейн предпочитает использовать термины «дедуктивная» и «индуктивная» исследовательские стратегии [3]. Таким образом, проблема не ограничивается методом сбора данных и приобретает характер парадигмальной антитезы между стилями социологического мышления.

Новые методы интервью рождаются не просто из социологического воображения (хотя и благодаря ему). Они отражают поворот к мировоззренческому переосмыслению человеческой субъективности. Речь идет об уникальности и многомерности индивидуального, своеобразии личности, ее восприятию, мышлении и речи — той «теплоте и подвижности» повседневной жизни, о которой говорил А. Бергсон [4].

Благодаря антиинтеллектуалистскому повороту потребовались соответствующие методологические подходы, которые часто обозначаются как «пост-сциентистские» в отличие от позитивистской «количественной» традиции. Один из таких подходов связан с социологической модификацией «устной истории» [5, р. 166—169]. Однако противопоставление сциентизма и антисциентизма в рамках научной дисциплины весьма рискованно. Более осторожные авторы предпочитают говорить о конгруэнтном избирательном сродстве [6, 7] теоретического, методологического и конкретно-методического подходов. Пример такого «сродства» — нарративное интервью.

Обращение к нарративу соответствует духу феноменологического анализа, декларирующего склонность к «естественным» (natural) данным [8, 9]. С точки зрения постмодернизма, постсовременная деятельность является «дискурсивной деятельностью», а эффективная и адекватная ей социология — это «деятельность по прояснению правил интерпретации и облегчению коммуникации» [10]. Нарратив понимается как способ организации человеком своего восприятия и осмысления внешнего и внутреннего мира. Поскольку нарратив воплощает в себе конкретный и индивидуальный опыт, он является лучшим средством передачи этого опыта [11, 12]. В качестве метода исследования понятой таким образом предметной области оформился метод нарративного интервью, включающий особую технику сбора и анализа данных. Теоретические и методологические основания, а также процедура нарративного интервью освещены в диссертационной работе В. Ф. Журавлева [13]. Он считает, что нарратив — это не случайность, возникшая при неосторожном повороте «базового» формализованного интервью, а закономерный результат развития социологической науки.

Новые виды интервью требуют от методологии значительной «мягкости» и развития неформализованной части методического инструментария. Традиционные представления о социологическом интервью в корне меняются. Сам замысел «качественного» исследования подразумевает интерактивные, цикличные отношения между его различными этапами. В статье «Социологической энциклопедии» Э. Боргатты, посвященной качественным методам, содержится подраздел «Теория как метод», в котором подчеркивается специфическая для качественной социологии нераздельность метода и теории: постоянное движение от концептуализации к сбору данных и обратно [14]. Так, сущностной чертой детализированного устного интервью, часто называемого также неструктурированным или недирективным, является развитие и проверка новых гипотез — задача, которая решалась обычно до выхода исследователя в поле [15]. Томсон, освещая возможности глубинного интервью применительно к «историям жизни», показывает, что «изучение историй жизни в полевых исследованиях способно стать частью гораздо более строгой методологии, частью непрерывного процесса проверки и переформулирования гипотез, когда первые находки ведут к новым концептуализациям (theories) и новым вопросам, заставляют периодически обращаться к предыдущим информантам с их историями и направляя к новым и т. д.» [16]. Открытое (open) интервью, по М. Кристофферсен и В. Андерсен [17], — это саморазвивающийся, самостимулирующийся процесс уточнения, совершенствования, тщательной разработки темы. Свежее, только что полученное знание в силу своей непрерывности, континуальности, гибкости влияет на дальнейший ход опроса, создавая после каждого интервью новую позицию для диалога

интервьюера и респондента.

Таким образом, при «качественном» подходе интервью трактуется не просто как метод сбора данных, а как пространство для формирования и проверки новых гипотез.

Характерное для «качественного» исследования «мягкое проектирование», отсутствие жесткости как «внутри» процедуры, так и «между» процедурами обеспечивает его эвристичность. Отмечается высокая совместимость интервью с другими методами [18, 19] и даже внутренняя потребность в таком совмещении, обусловленная ориентацией на восприятие изучаемого явления в его феноменологической целостности, единстве с контекстом.

Существует множество разновидностей интервью, применяемых как в качественных, так и в количественных исследованиях. Специальная литература изобилует классификациями, не говоря уже о произвольном употреблении названий видов интервью. Интервью могут различаться в зависимости от цели, места проведения опроса, опрашиваемых лиц, степени стандартизации, формализации, структурированности, а также «мягкости» и «жесткости». Стандартизация, формализация и структурированность как основания классификации интервью весьма близки и нередко употребляются как синонимы. Однако между ними имеются существенные различия. Стандартизация — это установление и унификация параметров интервью в рамках конкретного исследования. Только при условии стандартизации можно говорить о сопоставимости результатов опроса. В отличие от стандартизации формализация — скорее, придание инструменту того или иного облика вне зависимости от конкретного содержания. В формализованном интервью вопросы и возможные ответы заданы и фиксируются строго единообразно; в неформализованном интервью формулировки вопросов и ответов заранее не предусматриваются.

Под структурированием понимается установление устойчивых связей между элементами. Так, высокоформализованное интервью не может обладать мягкой, эластичной структурой, которая присуща малоформализованным видам опроса. Каким бы неструктурированным интервью ни казалось, исследователь воспроизводит в нем определенную теоретическую схему, исходя из своих интересов. Он выбирает значимые данные и тем самым структурирует ситуацию опроса. Такова точка зрения С. Джонс [20]. Н. Филдинг и С. Конрой также отмечают, что даже при отказе исследователя от заранее заданной структуры интервью, диалог интервьюера и респондента приобретает структурированный характер [21, р. 103—124].

Комплекс параметров, включающий стандартизацию, формализацию и структурированность, часто обозначается оппозицией «мягкого» и «жесткого» интервьюирования, которая соответствует противопоставлению качественного и количественного подходов. М. Кристофферсен и Б. Андерсен [17, р. 112] пишут, что жесткие (или количественные) методы опроса применяются для получения «жестких данных» («hard data»), а мягкие (качественные)—для получения мягких данных («soft data»), или качественных. При этом авторы отмечают, что четкого определения качественных данных не сложилось, термины же «мягкие данные» и «жесткие данные» употребляются лишь постольку, поскольку порождают плодотворные ассоциации. Различие между «мягкими» и «жесткими» интервью аналогично различию между «мягкими» и «жесткими» языками: чем большему числу интерпретаций может быть подвергнут текст, тем он мягче; предел «мягкого языка» — язык музыки, предел «жесткого языка» — язык математики; естественный язык занимает промежуточное

положение [22]. Таким образом, количество вариаций, допускаемых процедурой интервьюирования, определяет степень его «мягкости/жесткости».

«Мягкость» и «жесткость» выступают также в качестве характеристик стилей интервьюирования. В. Фридрих и В. Хенниг рассматривают «мягкий» и «жесткий» стили наряду с «нейтральным», «уравновешенным», «смешанным» и особо выделяют «интервью сотрудничества» [23]. Важно отметить, что в «мягких» видах интервью могут использоваться различные стили.

Вопрос о формальной классификации интервью может рационально обсуждаться лишь в той мере, в какой ему присущи элементы стандартизации. В этом отношении показательна схема Р. Гордена [18], отражающая взгляды традиционного социолога 70-х годов — то есть воспитанного на «количественной» традиции. Книга Гордена, озаглавленная «Интервьюирование: стратегия, техника и тактика» посвящена главным образом стандартизованному интервью. Нестандартизованность рассматривается в ней прежде всего как вынужденное временное несовершенство. Горден рассматривает два типа стандартизованного интервью: с жестким планом (scheduled) и без (unscheduled). Схема стандартизованного интервью с планом содержит не только заранее сформулированные вопросы, но и определяет одинаковый порядок их предъявления каждому респонденту. Стандартизованное интервью без плана предоставляет опрашиваемому определенную свободу в отношении порядка вопросов, в поиске более адекватных формулировок, в использовании нейтральных проб, если первоначальный ответ на вопрос неясен, неполон или нерелевантен. По правилам стандартизованного интервью без плана ответы записываются либо сразу в стандартизированной форме, либо свободный поток информации стандартизируется позже с помощью контент-анализа.

Нестандартизованному интервью присуще значительное разнообразие вопросов, задаваемых респондентам; соответственно отсутствует возможность статистически обобщить полученную информацию, чтобы продемонстрировать совокупный ответ группы или сравнить один индивидуальный ответ с другим. Таким образом, нестандартизованное интервью, в сущности, бесформенно, а его виды определяются не формой, а целью. Горден выделяет два вида: подготовительное и независимое интервью.

Подготовительное нестандартизованное интервью проводится для разработки стандартизованного. Изучаются словарь, используемый респондентами при обсуждении интересующей темы, часто встречающиеся ответы, контексты и затруднен возникающие при беседе. С помощью подготовительного интервью можно выбрать подходящее время и место интервьюирования, определить типичные сопротивления со стороны респондентов и получить другие сведения, необходимые для построения стандартизованного интервью с планом.

Независимое нестандартизованное интервью используется в ситуациях, где не требуется сравнивать одни ответы с другими или обобщать их. Речь идет о монографических обследованиях «случая». Например, если социолога интересует структура организаций, он будет задавать разные вопросы работникам разных организаций.

В схеме Гордена полустандартизованное интервью как таковое не фигурирует. Однако, говоря об интервью в целом, автор уделяет большое внимание коммуникативному контексту интервьюирования, его вербальным и невербальным сторонам. Он

акцентирует характерное для «качественного» подхода стремление к высокому уровню коммуникативной адекватности. Такого рода возможности присущи как раз полуформализованному интервью.

Попытки внести упорядоченность в методический инструментарий опроса сопряжены со значительными трудностями. Дж. Мэдж продемонстрировал два принципиально разных подхода к классификации интервью: по «логике континуумов» и с опорой на исторически сложившуюся типологию с устойчивыми названиями, отражающими технику или процедуру опроса. Например, «недирективное интервью» — конкретный вид опроса, детально разработанный К. Роджерсом. При упоминании «фокусированного интервью» принято делать ссылку на Р. Мертон, М. Фiske и П. Кендалл [25]. В то же время существуют широко распространенные методические принципы недирективности и фокусирования. Наибольшая путаница возникает при попытках встроить «исторические» виды интервью в логические классификации.

Дж. Мэдж дифференцирует интервью по типу интервьюируемых лиц: а) с представителями власти; б) с экспертами; в) с населением. Интервьюирование населения, в свою очередь, различается по разнообразию получаемых данных, в частности, особо выделяются интервью, ориентированные на факты и на мнения. В последнем случае применяются «механизированные» техники «опроса общественного мнения».

Для интервью, направленных не просто на сбор сведений, а на диалог с респондентом, Мэдж находит термин «формативное интервью», под которым имеет в виду недирективное, фокусированное, неформализованное интервью и «историю жизни». «Истории жизни» существенно отличаются от остальных методов опроса установлением эмоциональных отношений между исследователем и информантом. К беседе обычно возвращаются вновь и вновь, при этом сбор сведений перерастает в сотрудничество. Применяется также техника «свободных ассоциаций» и «активная» стратегия написания «историй жизни». В первом случае информант излагает материал в соответствии со своим видением темы; во втором — интервьюер сам извлекает нужные сведения посредством направленной постановки вопросов. Мэдж упоминает также о фокусированной автобиографии — использовании техники фокусированного интервью для сбора материала по темам, соответствующим исследовательским гипотезам. Первые попытки опубликовать историю жизни людей со слов самих этих людей восходят к середине XIX века. Еще Д. Мейхью пытался воспроизвести описание жизни неприглаженным языком улицы, дать снимок домашних условий путем личного наблюдения. До того, как личные беседы стали считаться социологическим методом, они использовались репортерами и сочинителями различных «жизненных историй». Такого рода материал «из гуши жизни» традиционно использовался социологами для иллюстрации «сухих» рассуждений. Второе рождение неформализованного интервью произошло в конце 40-х годов в Англии благодаря работам Ф. Цвейга. Он открыл «новую и неортодоксальную технику». «Вместо анкетирования и формализованной беседы я просто разговаривал с рабочими абсолютно на равных, в дружеском ключе, — писал Цвейг. — Это были не формальные интервью, а обмен мнениями о различных сторонах жизни» [24, р. 192—193].

Специфика неформализованного интервью, по Цвейгу, состоит в том, чтобы «войти в жизнь» респондента до начала опроса: «Вы должны знать уже достаточно много, прежде чем задать правильный тип вопроса в правильном направлении. Ваши

собеседники должны чувствовать, что вы уже кое-что знаете об их жизни, прежде чем они захотят больше сказать о себе. Скоро я понял, что успех моих интервью зависит прежде всего от моего собственного состояния ума, моего собственного потока энергии, симпатии и понимания. Когда я был неэнергичен или игнорировал условия жизни или работы, интервью терпели неудачу. Несколько интервью послужили мне только введением к другим, более исчерпывающим и полезным разговорам, к которым я был заранее подготовлен» [24, р. 193—194].

Неформализованному интервью присущи гибкость, триангулируемость и «феноменологичность» — свойства, которые рассматриваются как решающее методическое преимущество. Мэдж, однако, высказывается по этому поводу весьма критически. По его мнению, неформализованное интервью не гарантирует глубокого проникновения в подлинные установки и убеждения людей. «История жизни» может быть лишь иллюстрирована фрагментами интервью, не обладающими доказательностью. Для научной работы, считает Мэдж, следует обучиться более четким и внятным методам исследования [24, р. 195]. Эти критические замечания, сделанные в 1965 году, актуальны и сегодня, когда «качественная методология» выдается за альтернативную исследовательскую программу.

Начало 70-х годов можно считать поворотной точкой в развитии методов интервьюирования, несмотря на то, что в программной монографии «Качественная методология» отмечался низкий престиж «качественного подхода» [26]. В начале же 90-х годов «качественный подход» занимает ведущие позиции в общественных науках [27]. При этом существенных изменений в валидности получаемых с его помощью данных не произошло. Наоборот, требования к валидности инструмента опроса, которые когда-то давали основание считать интервью неподходящим для решения социологических задач [28], перестали применяться к оценке интервью как метода преимущественно эвристического. М. Бенни и Э. Хьюз объявили интервью главным «добывающим инструментом» социологов, одновременно интерпретируя его как «искусство социологического общения, как игру, в которую мы играем с удовольствием, смакуя ее тонкости. Это — наше флиртование с жизнью, наше постоянное занятие, и хотя путь к победе бывает тяжелым, мы играем с самозабвением и увлечением, дающими нам и при победе и при поражении силы идти вперед и интервьюировать снова и снова» [25].

Разумеется, «флиртование с жизнью» не может служить методическим правилом для социолога. Отчасти поэтому в рамках «качественного подхода» вместо надежности, точности и устойчивости инструмента сформулированы критерии недирективности, референтности и естественности.

Под недирективностью обычно имеется в виду мастерство нейтрального (несуггестивного) опроса, нацеленного на минимизацию «эффекта интервьюера». В определенном смысле недирективность является стандартом любого интервью, в том числе формализованного, и распространяется только на зондажные вопросы о мнениях [30]. При этом недирективность часто воспринимается как методологическое кредо «качественного» интервьюирования, подразумевающее радикальное невмешательство интервьюера в нарратив информанта. Здесь же коренятся серьезные искажения: интервьюируемый не знает, о чем его, собственно, спрашивают, а исследователь не знает, что имеет в виду респондент.

Интервью перестает быть научным методом, как только исчезает его целевая и

тематическая определенность. Полуформализованное интервью позволяет избежать этого. Благодаря частичной формализации получаемые данные могут сравниваться и подвергаться дальнейшей математической обработке. С другой стороны, полуформализованное интервью достаточно гибко и восприимчиво, чтобы уловить и зафиксировать непредвиденные, но интересные повороты беседы, способные дать толчок к новому видению проблемы, или скорректировать явно искаженное восприятие формализованных вопросов.

Еще одна версия недирективности представлена дневниковым интервью. Этот метод разработан Д. Циммерманом и Д. Уайдером [31] при изучении контркультуры как стиля жизни. Исследователи первоначально использовали неструктурированные тексты и биографически организованные интервью. Однако такой подход оказался неудовлетворительным, поскольку отсутствовали систематические ответы на наиболее важные вопросы. Тогда возникла идея попросить информантов вести дневник — аннотированный хронологический отчет по формуле: «Кто? Что? Где? Когда? Как?». Каждый дневник прочитывался, по меньшей мере, двумя исследователями, затем задавались вопросы информанту для выявления неясных мест дневниковой записи. В исследовании Циммермана—Уайдера пяти — десятистраничный дневник часто генерировал около 100 различных вопросов, и интервью иногда длились по пять часов. В итоге подготовка и использование материалов дневникового интервью было алгоритмизировано.

Другая принципиальная характеристика полуформализованного интервью — установление общей для интервьюера и респондента референциальной рамки. Этот вопрос особенно обстоятельно рассмотрен в монографии Ч. Бриггза [32], посвященной социолингвистическому аспекту интервьюирования. В формализованных интервью этот момент не артикулируется, поскольку процесс взаимопонимания жестко структурирован и осуществляется (по определению) на формальном уровне. Смысл вопросов и ответов полагается однозначным [33]. «Мягким» же методам свойственна многозначность — это инструменты с высокой различающей способностью. Чем менее формализовано интервью, тем лучше оно улавливает оттенки смысла и формирует свой собственный внутренний смысл в процессе коммуникации.

При полуформализованной процедуре интервьюер устанавливает систему координат, исходя из исследовательских задач, и следит за ее соблюдением. М. Бреннер подробно рассматривает эту проблему на примере одной из версий интенсивного интервью — интервью-самоотчета (account interview) в ходе которого производится сбор «объяснительного» речевого материала с упором на контекстуальность. По его мнению, сообщения нельзя рассматривать буквально: нужно «проникнуть» в описываемую информантом практику, чтобы быть уверенным в обоюдном понимании.

Особое внимание уделяется стратегиям обнаружения и минимизации искажающих влияний, метакоммуникации и особенностям техники интервьюирования, которая должна быть более тонкой, чем в традиционном «опросном интервью» (также детально рассмотренном Бреннером [34]). Роль интервьюера в интенсивном интервью описывается термином «facilator» — помощник: ему следует мягко направлять разговор, помогая информанту высказываться максимально естественно. Но как бы непринужденно ни чувствовал себя респондент, это не значит, что интервьюер расслабляется и мило беседует, как иногда представляют качественное интервью неспециалисты. При проведении интенсивного интервью требуется «исполнительское

мастерство, простирающееся за пределы использования отдельных техник интервьюирования к социальному управлению ситуациями интервьюирования в целом» [33, р. 153—154]. Сюда входит и постоянный «мониторинг адекватности» собственных действий интервьюера. Средствами такого управления служат путеводитель, разрабатываемый с помощью пилотажей, и тактика постановки вопросов, ориентированная на конкретные цели исследования. Путеводитель отличается от структурированного опросника тем, что содержит только перечень тем для получения полной и связной информации, а также специальные «пробы» по каждой теме. Сохранение «рамки референции» напоминает неустойчивое равновесие. Например, Н. Филдинг и С. Конрой, интервьюируя детей, исходили из традиционных стандартизированных техник, однако, по их словам, постоянно «соскальзывали» к нестандартизированным ситуациям. Интервьюеры могли подстраиваться под индивидуальные особенности, манеру речи каждого ребенка, варьировать формулировки вопросов, развивать заранее не предусмотренные, но важные темы, затронутые респондентом. Обращенность полуформализованного интервью к «естественной» информации обуславливается «неформальными источниками данных», процедура использования которых, включая интервью-беседу, описана Ф. Бламом [35]. В частности, совместный труд с информантами, согласно Бламу, служит не только отправной точкой получения информации, но и сам по себе является ценным ее источником. Исследователь знакомится с рабочим в ситуации, в которой тот «сильнее». Такие взаимоотношения невозможны в традиционном интервью. «Я знакомился со многими рабочими во время перерывов, которые регулярно проводил в кафетерии,— пишет Блам.— Чтобы установить определенные «репрезентативные» выражения их чувств и мыслей, я каждый день садился за другой столик, систематически продвигаясь по кафетерии. Таким образом было легко прислушиваться к разговорам о повседневных событиях. Сначала я просто слушал, о чем говорили рабочие. Когда я достаточно узнал об их интересах и заботах, я сформулировал вопросы, касающиеся тем, которые хотел охватить в плане интервью и реакции на которые мне нужно было проверить» [35, р. 85]. Безусловно, полуформализованное интервью не полностью погружено в «феноменологический поток бытия», оно достаточно структурировано, чтобы удерживаться на плаву и сохранять ориентацию на задачи текущего исследования. В то же время близкие взаимоотношения с информантом (*rapport*) способствуют глубокому взаимопониманию, и многие специалисты рекомендуют совершенствовать мастерство интервьюеров именно в этом направлении. Однако эти же отношения приводят и к существенным издержкам, о чем подробно пишет Ч. Лидз: «*rapport*» подразумевает не только то, что информант открывает свой частный мир наблюдателю, но также и то, что наблюдатель обязан проникать в этот мир с сочувствием [36]. Здесь возникает круг вопросов, связанных с этикой интервьюирования [47].

Сегодня методисты стремятся «навести мосты над пропастью» между качественной и количественной методологиями. Иными словами, встречное движение наблюдается с обоих концов. Даже применяя наиболее формализованные методики, социологи склоняются к некоторому их «смягчению». Амбивалентность, обращенность полуформализованного интервью и к качественной, и количественной традиции обусловлена актуализацией не только вербального, но и невербального уровня коммуникации. Последний особенно важен при исследовании тем, которые по той или иной причине «чувствительны» для респондента.

Полуформализованное интервью особенно эффективно при изучении острых, в том числе деликатных тем, высокодинамичных процессов, глубинных личностных структур — установок, ценностей, мотивов, относительно которых общественное мнение еще не устоялось. Полуформализованное интервью применяется также для исследования специфических социальных групп, например, наркоманов, сексуальных меньшинств и т. п.

Литература

1. Bryman A. Quality and quantity in social research. London: Human, 1988.
2. Meter K. M. van. Sampling and cross-classification analysis in international social re-search//Comparative Methodology: The theory and practice of international social research//Ed. by E. Ouen. N. Y.: International Sociological Association, 1989. P. 172—186.
3. Lane J.-E. Data archive as an instrument for comparative research//Comparative Methodology. P. 187—202.
4. Бергсон А. Здравый смысл и классическое образование//Вопросы философии. N 1. 1990. С. 163—168.
5. Bertaux D. Oral history approaches to an international social movement//Comparative Methodology. P. 151—171.
6. Bryman A. The debate about quantitative and qualitative research: a question of method or epistemology//British Journal of Sociology. V. 35. 1984. N 1. P. 75—92.
7. Social research methods: puzzles and solutions/Ed. by R. L. Guy, Ch. E. Edgley, I. Arafat, D. E. Allen. Boston: Allyn & Bacon. 1987.
8. Бергер П., Лукман Т. Основы знания в повседневной жизни//Социология. Реферативный журнал. М.: ИНИОН РАН, 1992. N 1. С. 148—174.
9. Gerhardt U. Qualitative sociology in the Federal Republic of Germany//Qualitative Sociology. V. 11. 1988. N 1. & 2. P. 29—43.
10. Бауман З. Социологическая теория постсовременности//Социологические очерки: Ежегодник. Вып. 1. М.: Ин-т молодежи, 1991. С. 48.
11. Ильин И. П. Языковое обоснование «Я» в теориях постструктурализма и постмодернизма//«Я», субъект, «индивид» в парадигме современного языкознания: сборник научно-аналитических обзоров. М.: Рос. академия наук; ИНИОН, 1992. С. 107—127.
12. Griffin L. J. Narrative: event-structure analysis and causal interpretation in historical sociology//American Journal of Sociology. V. 98. 1993. N 5. P. 1094—1133.
13. Журавлев В. Ф. Интервью в качественном социологическом исследовании: Диссертация на соискание уч. степени кандидата социологических наук. М.: МГУ, Социологический ф-т, 1994.
14. Encyclopedia of sociology in 4 v./Ed. by: E. F. Borgatta (editor-in-chief). M. L. Borgatta (managing editor). New York: Macmillan, 1992.
15. Becker H. S., Geen B. Participant observation and interviewing: a comparison//Qualitative Methodology: Fiersthand involvment with the social world/Ed. by W. J. Filstead. Chicago: Markham Publishing Company, 1970. P. 133—142.
16. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений//Вопросы социологии. 1993. N 1. С. 132.
17. Christoffersen M. N., Andersen B. H. Abent Interview: En gennemgang af tidligere anvendelser af ikke-standardiserede, intensive interviewsamtaler. Kobenhavn: Studie/Socialforskningsinst, 1982.

18. Gorden R. L. Interviewing: strategy, techniques and tactics. Rev. ed. Homewood. (III): The Dorsey Press, 1975.
19. Phillips B. S. Sociological research methods: An introduction. Homewood (III): The Dorsey Press, 1985.
20. Jones S. Depth interviewing//Applied qualitative research/Ed, by R. Walker. Aldershot: Brookfield: Gower. 1985.
21. Fielding N. G., Conroy S. Interviewing child victims: police and social work investigations of child sexual abuse//Sociology. V. 26. N 1. 1992. P. 103—124.
22. Налимов В. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука. 1979.
23. Фридрих В., Хенниг В. Основные проблемы опроса//Процесс социального исследования/Под ред. Ю. Е. Волкова. М.: Прогресс, 1975.
24. Madge J. The tools of social science: An analitic description of social science techniques. New York: Anchor Books; Doubleday & Company. 1965.
25. Мертон Р., Фiske М., Кендалл П. Фокусированное интервью: Пер. с англ./Под ред. С. Л. Белановского. М.: Институт молодежи, 1991.
26. Qualitative Methodology: Firsthand involvment with the social world/Ed. by W. J. Filstead. Chicago: Markham Publishing Company. 1970.
27. Qualitative Methods/Ed. by R. Smith, P. Manning. Vol. 2. Handbook of social science methods. Cambridge: Ballinger, 1982.
28. Phillips D. L. Knowledge from what? Theories and methods in social research. Chicago: Rand McNally & Company. 1972.
29. Benney M., Hughes E. C. Of sociology and the interview//Sociological Methods: A sourcebook/Ed. by N. K. Denzin. Chicago: Aldine Publishing Company. 1970. P. 190—198.
30. Interviewer's manual. Revised edition. Ann Arbor: The University of Michigan Press. 1976.
31. Zimmerman D. H., Wieder D. L. The diary-diary-interview method//Qualitative Methods/Ed. by R. Smith, P. Manning. Vol. 2. Handbook of social science methods. Cambridge: Ballinger, 1982. P. 115—143.
32. Briggs C L. Learning how to ask: a sociolinguistic appraisal of the interview in science research. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
33. Brenner M. Intensive interviewing//The research interview: Uses and approaches/Ed. by M. Brenne, J. Brown, D. Canter. London: Academic Press, Inc., 1985.
34. Brenner M. Survey interviewing//The research interview: Uses and approaches/Ed. by M. Brenner, J. Brown, D. Canter. London: Academic Press, Inc., 1985.
35. Blum F. H. Getting individuals to give information to the outsider//Qualitative Methodology. P. 83—90.
36. Lidz Ch. W. Objectivity and rapport//The qualitative-quantitative distinction in the social sciences//Ed. by: B. Glassner, J. D. Moreno. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 1989.
37. Homan R. The ethics of open methods//The British Journal of Sociology. V. 43. N 3. 1992. P. 321—332.